

БАБУШКА ПРИЕХАЛА

Мать Размика Севунца звали в округе тетушкой Араксией. Подвижная старушка, не знавшая покоя ни днем, ни ночью, вдруг слегла. И надо же, заболела именно тогда, когда невестка вот-вот должна родить. Двое детей в доме, девочки-погодки. Ждали третьего ребенка.

— Прямо предательство какое-то, Анаит-джан, — тихо жаловалась тетушка Араксия, когда погрузневшая невестка поправляла ей постель.

— Все будет хорошо, — успокаивала Анаит.

— Твоими устами да мед пить. Только вот я не могу простить себя за такое предательство, лежу, как валун речной. Мало того, что помощи от меня никакой, еще и сама в тягость. А родишь ты, девочка моя, двух мальчиков. По поступи твоей вижу, — улыбнулась тетушка Араксия.

Мать Размика не ошиблась. Невестка родила близнецов. Двух мальчиков.

В тот день Размик, работавший бригадиром каменотесов, накрыл стол под шиферным навесом на огромном плоском камне. Каменотесы поздравляли счастливого отца. Но как ни старался веселиться Размик, все равно не мог скрыть от товарищей грусти.

— Ты словно сам не свой, Размик, — сказал кто-то из парней.

— Будешь не свой, — пошутил другой, — два мальчика сразу. От такого счастья имя собственное забудешь.

— И все-таки что-то стряслось с нашим бригадиром.

— Ничего, ребята, — Размик старался быть спокойным: — Грешно грустить в такой день. Просто мать у меня заболела. Такого не помню за всю свою жизнь.

Он вытер мешковиной могучие, испещренные царапинами и трещинами руки, разорвал лаваш, мягкий, как льняное полотенце, на куски и тихо начал рассказывать:

— С первых дней войны отец и два старших брата ушли на фронт. Дома остались я, пацан, младшая сестра, мама и бабушка, мать отца. Маму нашу мы, можно сказать, и не видели в те годы. Все время пропадала на молокозаводе. А придет домой —

до полуночи хлопчет по хозяйству. Поэтому я бабушку лучше помню. Она все на тахте лежала, не могла двигаться, болела. Но вот что удивительно: мы дома словно не чувствовали ее недуга. Она очень мудро руководила всеми нами. Вернулся отец с фронта, без руки вернулся. Главной фигурой в доме все равно оставалась бабушка. Мы глазам своим не верили: мать отчитывала сына в гимнастерке без погон, а тот стоял, опустив голову, и не знал, куда деть от волнения единственную руку. Хорошо запомнилось, как бабушка повторяла: не будешь любить людей — и тебя не полюбят. И даже не пожалеют за то, что ты без руки.

Однажды отец — его тогда председателем избрали — лишил трудодней одного колхозника: тот в пору уборки винограда отправился на базар продавать свой товар. Узнав об этом, бабушка набросилась на отца. Ты, говорит, лучше бы убил этого несчастного человека, чем лишал его трудодней. Как он теперь жить будет? Отец пытался оправдываться, но бабушка прерывала. Говорила, что не от хорошей жизни колхозник отправился на базар. Наверное, знал, что уже к зиме не сможет свести концы с концами: после войны хозяйство еще не поднялось. Потом, немного успокоившись, бабушка принялась успокаивать отца. Конечно, говорила, с людьми надо поосторожнее. Иначе дело не пойдет... Я слушал ее и ничего не понимал. То она колхозника защищала, то отца. Где же правда? Бабушка улыбалась: если хочешь, внучек, правильно подковать коня, надо молотком бить то по гвоздю, то по подкове.

Когда бабушка умерла, отец сразу сник, открылись фронтальные раны. Я тогда еще не был женат. Но уже понимал, что без бабушки невозможно воспитывать детей. И когда родились мои девочки, я был спокоен: дома есть бабушка. А теперь вот мать слегла. Что-то серьезное. Уж я-то знаю ее: привяжешь к кровати, зубами веревку перегрызет. А тут лежит...

Вечером, убедившись, что дети уснули, Размик подошел к кровати матери, сел подле.

— Ну как ты?

— Знаешь, Размик-джан, я сейчас твою бабушку вспомнила. Честно скажу, не полюбила я ее поначалу. Лежала на тахте царицей, последнее слово всегда за ней. Лишь под конец почувствовала: уважаю ее. Потому что увидела, как мои дети ее глазами видят мир. Я как-то услышала, что она тебе говорила. Думала, она всегда такая строгая, сухая, а тут она сказала: армяне настроили по всему белу свету храмов и церквей, а сами фанатично верят только в одно божество — мать!..

Тетушка Араксия болела шесть лет. Вытянувшись, словно тонкие тростинки, похожие друг на друга, как две половинки одного яблока, ходили в школу девочки. Мальчишки носились по дому с утра до вечера. Бабушка лишь повторяла: «Осторожно, чтоб я взяла себе вашу боль». Она, бывало, произносила эти слова даже тогда, когда детей не было дома.

Перед каждым женским днем 8-го Марта, перед Новым годом, перед днем рождения детей бабушку одевали в нарядное платье, и она, лежа, вместе со всеми справляла праздник. Хлопала в ладоши, когда вместе с отцом и матерью выходили в круг на танец четверо ее внуков. Дети любили долгие рассказы бабушки об их отце. Она могла говорить о Размике бесконечно. Как он начал ходить. Какие первые слова выговорил. Как во время войны, услышав от взрослых, что почтальоны несут людям в дом или счастье, или горе, заявился к сельскому почтальону и попросил, чтобы он приносил бабушке только счастье.

Подолгу бабушка говорила и с невесткой. Давала разные советы. Учила готовить соленья. Если к кому-нибудь из соседей приходили знатные гости, то они непременно просили у тетушки Араксии тарелочку соленья, чтобы удивить деликатесом.

...Умерла тетушка Араксия рано утром. Сердце остановилось во сне. Хоронили ее всем селом. Шли дни, казалось, пора смириться с горем, каким бы оно неутешным ни было. Жизнь ведь всегда берет свое. Тем более дома четверо детей. Но Размик все никак не мог войти в колею. Приходил домой и, не успев переступить порог, бросал взгляд на опустевшую тахту. Видел Размик, как изменились дети, — им явно не хватало бабушки. То и дело вспоминал Размик рассказ матери о том, что, пока жила его бабушка, отец чувствовал себя молодым, был уверенным в своих силах.

Анаит, видя, как мается муж, сама потеряла покой:

— Так не годится, Размик-джан. Изводишь себя. Подумай о детях.

— О детях я и думаю, Анаит-джан.

Однажды Размик, сказав, что едет в Ереван за покупками, долго выбирал сорочку и галстук.

...К дому для престарелых он подъехал в полдень. Долго объяснял директору и главному врачу свою просьбу. Его слушали и не понимали. Он хотел взять пожилую женщину и ставил только одно условие. Вернее, два. Чтобы старуха была совсем одинокой и внешне хоть немного была бы похожа на его, Размика, мать.

Ему позволили побродить по коридорам и вестибюлю, по комнатам и залу, по столовой и дворику дома для престарелых.

Но уже с первых шагов Размик понял, что выбрать не сможет. Что-то оскорбляющее человеческое достоинство было в самом процессе выбора. Размик остановился в коридоре у окна второго этажа, думая лишь, как бы незаметно уйти отсюда. Неожиданно он поймал себя на том, что смотрит на старушку, сидящую на скамейке под ореховым деревом. Чем больше он смотрел на нее, тем больше ему казалось, что старушка похожа на его покойную мать. Такая же сухонькая, сгорбленная. Так же, как мать, одета в темное платье, темный платок.

Стараясь не выдать волнения, Размик подошел к скамейке:

— Вы позволите?

— Садитесь, садитесь, — учтиво сказала старушка. Долго они беседовали на скамейке под ореховым деревом.

Через час Размик в кабинете главного врача назвал имя старой женщины. Арутюнян Араксия Барунаковна.

— Я должен предупредить, — сказал главный врач, — что старушка тяжело больна, давно страдает гипертонией. Ну и, естественно, при таком недуге в пожилом возрасте всегда набирается множество сопутствующих болезней.

— Ее зовут Араксией, как мою маму.

— Это еще не аргумент.

— Она мужа потеряла до войны. Единственный сын погиб на фронте. Сказала еще, что мои глаза очень похожи на глаза ее сына.

— А согласилась?

— Нет.

— Тогда о чем же разговор?

— Я упаду перед ней на колени. Буду умолять, просить. Ничего, что она болеет. Пусть лежит на тахте, на которой лежали моя бабушка и мама. Пусть она в доме будет хозяйкой. Дети мои должны видеть, что старше отца в доме есть человек, который важнее всех, за которым надо ухаживать...

Поздно вечером у дома Севунцев раздался знакомый всем певучий сигнал «Жигулей». Тотчас же настезь открылись ворота. Во двор шумно высыпали нарядные дети. Они обступили машину и хором начали кричать:

— Бабушка приехала! Бабушка приехала!..

Размик медленно вышел из машины, встал рядом с Анаит. Они молча смотрели, как дети помогают бабушке подниматься по лестнице на веранду. Через открытое окно был виден празднично накрытый стол.

— Как ты догадалась? — спросил Размик жену.

— Я знаю тебя...